

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

К СИНТАКСИЧЕСКОМУ АНАЛИЗУ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ИМЕННЫМ СКАЗУЕНЫМ В ОПРЕДЕЛЕННОЙ ФОРМЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО НА «ЁЙ-Э ИШОРАТ» В ПРОЗЕ АЛИШЕРА НАВОИ

С. Аширбаев

г. Ташкент (Узбекистан)

Резюме: Синтаксис прозаических произведений Алишера Навои остается малоизученным. Это связано с несколькими причинами. Одной из них является заимствование лексических и грамматических элементов из персидского и арабского языков. Как известно, произведения великого поэта с одной стороны, отражают язык узбекского народа, но с другой стороны, согласно требованиям художественной традиции того времени, они должны были быть написаны в возвышенном стиле, что открывало дорогу арабским и персидским заимствованиям. Несомненно, эти элементы усложнили язык Алишера Навои и, в том числе, его синтаксис. К таким элементам относится форма на «ёй-э ишорат» – определенная форма. Именное сказуемое на «ёй-э ишорат» в предложении часто употребляется однородно. Форма «ёй-э ишорат» – это специфическая форма персидского языка, которая в языке-источнике противопоставляется форме «ёй-э накаре», т. е. неопределенной форме. «ёй-э ишорат» как грамматическая форма также является абстрактной, поэтому она постоянно сопровождается постпозиционными, т. е. инверсионными определениями или другими синтаксическими группами. В ходе исследования было установлено, что при однородном употреблении каждое сказуемое с использованием «ёй-э ишорат» имеет при себе или инверсионное определение, или вставочную конструкцию, в результате чего структура предложения усложняется. Это наблюдается и в простом, и в сложном предложениях. В данной статье анализируются простые предложения с именным сказуемым на «ёй-э ишорат». Отмечается, что такие осложненные простые предложения переводятся на русский или другие языки, в основном, в форме сложного предложения или несколькими предложениями.

Ключевые слова: Алишер Навои, ритмизованная проза, поэзия, литература, подлежащее, именное сказуемое, инверсионное определение, пояснительные конструкции, вставочные конструкции, определенная форма, синтаксическая группа, осложненные простые предложения, сложные предложения.

Вводные замечания

В истории культуры и науки тюркских народов яркая личность Алишера Навои – великого поэта Средневековья, знатока поэтики, мыслителя, одного из образованнейших людей своего времени, мецената, крупного государственного деятеля – занимает видное место [Насилов 1981: 143].

Отличное знание персидского языка позволило Алишеру Навои мастерски использовать лексические и грамматические элементы этого языка в процессе работы над своими произведениями. Временами он заимствовал и структуру выражений, присущих персидскому языку [Боровков 1946: 97; Щербак 1962: 36]. Одним из таких грамматических элементов является «*ёй-э иишорат*» (определенная форма).

О морфологической природе грамматического элемента «*ёй-э иишорат*» в произведениях Алишера Навои мы находим подробные сведения в работах профессора А. Рустамова. Известно, что «*ёй-э иишорат*» в древнеперсидском языке был самостоятельным словом – указательным местоимением, имевшим вначале форму *айта*, однако в процессе развития персидского языка она подверглась значительным фонетическим изменениям и в дальнейшем трансформировалась в *ى* (ёй / т. е. графически – буква *йа*) [Рустамов 1962: 224]. Данная форма позже была названа «*муайян ҳолат*» (определенное обстоятельство) [Абдурахмонов, Рустамов 1984: 83].

Необходимым атрибутом «*ёй-э иишорат*» в староузбекском письме является собственно *ى* (ёй), при этом этот показатель постоянно имел место в структуре слова (ср. с обозначением *изафета* персидского, который не всегда имеет свой показатель [Абдусаматов 1971: 77], например, *کوهى دور* ‘эта жемчужина’, *پادشاهى دور* ‘этот царь’. В арабописьменных текстах графическими носителями «*ёй-э иишорат*» могут служить слова с конечным гласным, передаваемым через *ه/ا* (э/ä), а также содержащие знак *ء* (хамза). Например, *شوله دور* ‘это сияние’, *صاعقه دور* ‘эта молния’. Атрибут формы «*ёй-э иишорат*» в применяемой здесь транслитерации и тюркологической транскрипции¹ на основе латиницы передается посредством *i*.

Какое бы формальное значение она ни получала, важен тот факт, что за «*ёй-э иишорат*» в составе предложения обязательно следует аффикс-связка *-dur* или, иногда, слово-связка *erdi*, а именное составное сказуемое на «*ёй-э иишорат*» сопровождается обособленными пояснительными членами, присоединенными путем инверсии. Однако эта инверсия является не произвольной, а закономерной, специфической для прозы Алишера Навои. «*Ёй-э иишорат*» может употребляться как именная часть составного сказуемого, где выступает для передачи основного лексического значения: *Ul pādšāh-i: erdi, bayājat zebāroj va xušxoj, adālat va āzarm pešā qildī* (ТМА 57)². ‘Он был таким царем, красивым и жизнерадостным, оказывал милосердие’. В данном случае слово *pādšāh-i*: входит в состав составного сказуемого. Это сказуемое сопровождается конструкцией *bayājat zebāroj va xušxoj* ‘красивый и жизнерадостный’.

Характерно и то, что обычно словоформа на «*ёй-э иишорат*» в предложениях, выполняя функцию сказуемого, имеет при себе несколько обособленных инвер-

¹ В статье использована модифицированная тюркологическая латиница.

² Все примеры приводятся по [Источники].

сионных членов и обособленных развернутых пояснительных конструкций. Некоторые из них составляют словосочетания предикативной модели. В подавляющем большинстве случаев именное сказуемое на «*ёй-э ишорат*» употребляется как однородный член предложения. При этом простое предложение, естественно, усложняется. Следует сказать, что существует мнение о том, что это не является закономерным для сказуемого [Нигматов, Абдуллаев, Банару, Махмудов, Мухамедова, Нурмонов 1984: 7], но автор данной статьи не согласен с таким мнением.

1. Типы употреблений словоформы на/с «*ёй-э ишорат*» в функции сказуемого

1.1. Надо отметить, что словоформа на «*ёй-э ишорат*» выполняет функцию сказуемого в составе как простого, так и сложного предложения. По этой причине прежде, чем приступить к анализу особенностей таких предложений в структурном плане, необходимо определить их принадлежность к простым или сложным предложениям. Здесь прежде всего нужно выделить предикативное ядро предложения [Виноградов 1975: 284]. Например, нижеследующее предложение, хотя оно и усложнено, мы относим к простому: *Šäriat žādä-i:-dur, tuz anda xäh kečä jüzi, xäh kündüz, sirät-i:-dur bayājat mustaqim, anda az jiqmaqtiñ ne vahm-y ne bijm* (МК 133). 'Шариат – такая дорога, где все спокойно и днем, и ночью, это такой мост чрезвычайно крепкий, оттуда упасть не тревожит и нет страха. – А.С.'. На первый взгляд рассматриваемое предложение кажется сложным, однако все формы слов в данной синтаксической конструкции группируются вокруг одного подлежащего и двух сказуемых. В нем подлежащим является *šäriat*, а *žādä-i:-dur* 'такая дорога' и *sirät-i:-dur* 'такой мост' – сказуемые, и вместе они составляют предикативное ядро предложения. Второе сказуемое синтаксической конструкции сопровождается инверсионным определением и обособленной пояснительной конструкцией в виде словосочетания предикативной модели [Мадаминов 1983: 8]. В вышеприведенном примере обособленной пояснительной конструкцией относительно к сказуемому *žādä-i:-dur* является конструкция *tuz anda xäh kečä jüzi, xäh kündüz* 'где все спокойно и днем и ночью', а относительно к сказуемому *sirät-i:-dur* – конструкция *anda az jiqmaqtiñ ne vahm-y ne bijm* 'оттуда упасть не тревожит и нет страха'. Анализ предложения дает возможность считать его сложным, так как обе обособленные пояснительные конструкции созданы путем построения словосочетания по предикативной модели и имеют законченную интонацию, но последняя не является той интонацией, которая составляет один из основных признаков предложения, а представляет собой понижающуюся интонацию, присущую вводным словам и вводным конструкциям. Кроме того, это предложение можно перестроить и таким образом: *Šäriat žādä-i:-dur, sirät-i:-dur*. Оно определенно указывает, хотя и очень абстрактно, на наличие полного высказывания. Иллюстрацией к сказанному может послужить нижеследующий пример: *Işq axtar-i:-dur duraxşanda va başariat közi nur-u zijäsi andin va gühär-i:-dur raxşanda, insānijat tažiniñ zeb-u bahāsi andin, mehr-i:-dur tāli', mahzun xātirlar xāristāni andin gülsän va bādr-i:-dur lāmi', tjrä köñüllär shabistani andin ravšan, bāhr-i:-dur väsi', har igrāmī jüz aql-u huş kemasin čumuryan va tay-i:-dur rafī', har*

tīyī(nīñ – A.S.) zuhd-u taqvā bašīnī uʿuryan, šu'la-i:-dur sozanda, xāšāki küb žān-u köñül bolyan va barq-i:-dur furuzanda, küb žān-u köñül āši'āsi kül qilyan, aždahā-i:-dur xunxār, ālamnī dām bilā tartmaq aña kām, pādšāh-i:-dur qahhār, kāmī har dām ālam ahlīya qatl-i ām va har nečā zulm qilyan sāji aña usanmaq joq va har nečā qān qilyan saji aña qanmaq joq, sāiqa-i:-dur aql-u din xīrmanīn küjdürgüči va sarsar-i:-dur, alarnīñ külün kökka savurčēī (МҚ 90). 'Любовь – это сияющее светило, от которого исходит ясность и свет людских очей, блестящий жемчуг, дарящий красоту и ценность венцам людей; это восходящее солнце, которое сердце, заросшее колючим кустарником печали, в цветник обращает светящаяся луна, которая темную опочивальню души освещает, это обширное море, каждый миг водоворота которого топит сотни кораблей разума и просветления, высокая гора, каждый камень которой сносит голову благочестия и праведного служения; это жгучее пламя, в котором пылает сердце, сверкающая молния, от которой душа страдает без конца; это кровожадный дракон, высасывающий кровь людей, словно вампир, грозный царь, разрушающий весь мир. Тот не напьется кровью, сколько бы ни пил, этот не довольствуется кровью, сколько бы ни лил. Любовь – это удар молнии, сжигающий гумно разума и веры, эта буря, разносящая по миру его пепел' [Навои 1970: 65]³.

Словоформы *axtar-i:-dur, gühār-i:-dur, mehr-i:-dur, bādr-i:-dur, bāhr-i:-dur, toy-i:-dur, šu'la-i:-dur, barq-i:-dur, aždahā-i:-dur, pādšāh-i:-dur, sāiqa-i:-dur, sarsar-i:-dur* в данном предложении выполняют функции однородных сказуемых, которые выражают признак подлежащего, обозначаемого абстрактным существительным *išq* 'любовь'. Иногда обособленные конструкции вводятся сказуемым на «ёй-э *ишорат*» с помощью подчинительного союза *-kim/ki*: *Qanāat čāšmā-i:-dur kim, suji ālmaq bilā qurumas va maxzan-i:-dur kim, naqdi sepāmāk bilā öksümäs...* (МҚ 74) 'Довольство малым – это родник, вода в котором не иссякает, сколько бы ее не брали; это казна, в которой монеты не кончаются, сколько бы их не раздавали'. Из того сокращенного нами предложения, взятого в качестве примера, видно, что в функции подлежащего выступает *qanāat* 'довольство малым', а сказуемым является *čāšmā-i:-dur* 'родник' и *maxzan-i:-dur* 'казна', к которым присоединяются обособленные пояснительные конструкции с помощью союза *-kim*. Но это не дает нам право считать указанные конструкции сложным предложением, где присутствуют предикативные отношения, вводимые с помощью союза *-kim*, так как в староузбекском литературном языке, в частности, в языке прозы Алишера Навои, грамматические функции служебного слова *-kim* чрезвычайно широки. Подчинительный союз *-kim* является не только средством связи главного и придаточного предложений, но и показателем наличия в предложении обособленных и вставочных конструкций, подчеркивая их семантическую целостность с поясняемым членом предложения [Аширбаев 1990: 250].

1.2. Словоформа на «ёй-э *ишорат*» может выступать в функции сказуемого бессоюзного сложносочиненного предложения: *Fasiq ālim dānišvār-i:-dur, öz nafsīya zālīm, yaniji baxil nādān-i:-dur öz zijāniya muxajjal* (МҚ 121). 'Развратный ученый – это человек знающий, который сам себя угнетает, скупой богач – это

³ Переводные примеры взяты нами из 10-го тома сочинений Алишера Навои, осуществленного А. Рустамовым.

человек несведущий, который сам себя пытается'. Предикативные ядра каждого компонента сложносочиненного предложения составляют: *Fasiq ālim dānišvār-i:-dur* 'развратный ученый – это человек знающий' и *yaniji baxil nādān-i:-dur* 'скупой богач – это человек несведущий'. Функцию обособленных конструкций выполняют: *öz nafsīya zālim* 'сам себя угнетает' и *öz zijāniya muxajjal* 'сам себя пытается'.

1.3. Словоформа на «ёй-э *ишорат*» может выступать в функции сказуемого придаточного предложения бессоюзного сложноподчиненного предложения: *Agar muqri lavand-i:-dur bādāvāz va gülxand-i:-dur lahnī nāsāz, bādāni vuzu qajdidin nāpāk-u huši vaqt ri'ājatidin bebāk, ruhi tāat zavqidin bexabar va ūni savtul-xamirdin ānkār, man' va nahj tufrayin ayziya urmaq avlā, balki tāq jā minardin ani uçurmaq avlā* (МК 34). 'Если муэдзин нерадив, с голосом скверным, если он лентяй, с напевом неверным, если тело его осквернено и он нечистоплотен, а разум его не склонен к благочестию, если нет у него вкуса к богослужению и голос его хуже крика осла, заткнуть ему глотку землей лучше всего, а может быть, стоит даже с минарета сбросить его'. Подлежащим в этом условном придаточном предложении является слово *muqri* 'муэдзин', сказуемыми – *lavand-i:-dur* 'такой нерадивый', *gülxand-i:-dur* 'такой лентяй', а *bādāvāz* 'скверный голос' – инверсионным определением относительно к сказуемым *lavand-i:-dur* и *gülxand-i:-dur*, предикативные конструкции *lahnī nāsāz, bādāni vuzu qajdidin nāpāk-u huši vaqt ri'ājatidin bebāk, ruhi tāat zavqidin bexabar va ūni savtul-xamirdin ānkār* 'если тело его осквернено и он нечистоплотен, а разум его не склонен к благочестию, если нет у него вкуса к богослужению и голос его хуже крика осла' – обособленными, которые поясняют и конкретизируют сказуемое. Главное предложение состоит из сложносочиненных предложений: *man' va nahj tufrayin ayziya urmaq avlā, balki tāq jā minardin ani uçurmaq avlā* 'заткнуть ему глотку землей лучше всего, а может быть, стоит даже с минарета сбросить его'. Эти два предложения главного компонента сложноподчиненного предложения с синтаксической точки зрения равны, но второе – логическое продолжение первого, т. е. второе предложение подчеркивает, усиливает семантику первого. Об этом свидетельствует и находящийся между ними союз *balki*. Как известно, противительный союз *balki* в данном значении в старобузбекском языке употребляется довольно часто [Абдурахмонов 1974: 34].

2. Типы компонентов сказуемых с «ёй-э *ишорат*»

Теперь нам хотелось бы остановиться на сказуемых с «ёй-э *ишорат*» в тех компонентах, которые их поясняют. В зависимости от того, как поясняющие компоненты употребляются со сказуемым, т. е. контактно или дистантно, от структуры постпозиционных определений и пояснительных вставочных конструкций, а также от их семантико-грамматических особенностей их можно охарактеризовать следующим образом:

2.1. Сказуемое на «ёй-э *ишорат*» употребляется с контактным инверсионным определением, напоминающим по своим особенностям тип обособленного определения на примере: ... *āvāziy tosiqlärni aydaradi – terān, zārbdār, qudrätli* ... 'твой голос свернет все переграды – глубокий, сильный, могучий' (Джамбул) из более близкого к нам по времени языка [Абдурахманов 1971: 143]. Подобные инверсионные определения встречаются часто и в прозе Алишера Навои. К та-

ким инверсионным определениям мы относим следующие сочетания: *axtar-i:-dur duraxšanda* ‘светило сияющее’, *gühär-i:-dur raxšanda* ‘жемчуг блестящий’, *mehr-i:-dur tāli* ‘солнце восходящее’, *bādr-i:-dur lāmī* ‘луна светящаяся’, *bāhr-i:-dur väsi* ‘море обширное’, *taγ-i:-dur rafi* ‘гора высокая’, *šu'la-i:-dur sozanda* ‘пламя жгучее’, *barq-i:-dur furuzanda* ‘молния сверкающая’, *aždahā-i:-dur xunxār* ‘дракон кровожадный’, *pādšāh-i:-dur qahhār* ‘царь грозный’. Здесь, на первый взгляд, нам кажется, что следующие за «*ёй-э ишорат*» обособленные определения являются атрибутивными определениями (т. е. не обособленными) и подвергающимися инверсии, но если следовать этой логике, то в староузбекском языке (под влиянием персидского языка) компоненты этих сочетаний связывались бы между собой с помощью *изафета* [Расторгуева 1953: 647; Абдуллаев, Юсупов 1984: 20] и отсутствовала бы связка *-dur*. Однако сочетания, приведенные нами выше в качестве примера, не являются *изафетными*, так как *изафетные* сочетания в письменных памятниках узбекского языка, как и в персидско-таджикском языке, могут оказаться нулевыми. Поэтому вышеприведенные примеры мы не можем отнести к атрибутивным словосочетаниям.

2.2. Обособленный причастный оборот в постпозиции может также способствовать пояснению сущности сказуемого на «*ёй-э ишорат*»: ... *sāiqa-i:-dur aql-u din xīrmanīn küjdürgüci va sarsar-i:-dur, alarnīñ külün kökkä savuryçi* ‘(любовь –) это удар молнии, сжигающий гумно разума и веры, эта буря, разносящаяся по миру его пепел. – *P.A.*’.

2.3. Сказуемое на «*ёй-э ишорат*» может выступать с простым инверсионным определением и с развернутым обособленным словосочетанием предикативной модели: ... *mehr-i:-dur tāli*, *mahzun xātīrlar xārīstanī andīn gūlšān va bādr-i:-dur lāmī, tijrā köñüllār shabīstanī andīn ravšan* (МК 90) ‘это восходящее солнце, которое сердце, заросшее колючим кустарником печали, в цветник обращает, светящаяся луна, которая темную опочивальню души освещает’. В тех сочетаниях компоненты *tāli* ‘восходящий’ и *lāmī* ‘светящий’ вместе с обособленными конструкциями *mahzun xātīrlar xārīstanī andīn gūlšān* ‘заросшее колючим кустарником печали, в цветник обращает’, *tijrā köñüllār habīstanī andīn ravšan* ‘(луна, которая) темную опочивальню души освещает’ поясняют и еще более конкретизируют значение сказуемого, представленного словами *mehr-i:-dur* ‘это солнце’, *bādr-i:-dur* ‘это луна’.

2.4. Сказуемое на «*ёй-э ишорат*» может выступать и с простым, и с развернутым инверсионным определением, а также и с вводной конструкцией: ... *pādšāh-i:-dur qahhār, kāmī har dam ālam ahlīya qatl-i ām va har nečā zulm qīlyan sāi aña usanmaq joq va har nečā qān qīlyan saji aña qanmaq joq* ‘грозный царь, разрушающий весь мир, тот не напьется кровью, сколько бы ни пил, этот не довольствуется кровью, сколько бы ни лил’, где помимо простого обособленного определения *qahhār* ‘грозный’ присутствует и конструкция предикативной модели *kāmī har dam ālam ahlīya qatl-i ām* ‘разрушающий весь мир’, и вводная конструкция типа сложносочиненного предложения: *har nečā zulm qīlyan sāi aña usanmaq joq va har nečā qān qīlyan saji aña qanmaq joq* ‘тот не напьется кровью, сколько бы ни пил, этот не довольствуется кровью, сколько бы ни лил’.

2.5. Сказуемое на «*ёй-э ишорат*» может выступать также с обособленными пояснительными конструкциями, составляющимися из нескольких предложений,

которые нельзя отнести к определенному типу сложного предложения, так как компоненты такого предложения по способу связи между собой не подразумевают подчинения или уподобления, такие конструкции в узбекском языкознании относят к так называемым лингвистическим (развернутым, вставным) текстам [Расулов 1983: 22]. Подобные конструкции играют особую роль в конкретизации сказуемого: *Qanāatda nečäkim faragbāl, aksi tama'da razālat va nākkāl xasis tab'qa dost-i:-dur laimvaš, gādāševālik va razālat anij tavrīya xuš, muvāfaqatīya asarxārlīy, munāsabatīya bahra sabukbārlīy, har tab'dakim ul mavžud boldi, ul kiši ulus tab'īya mardud boldi, laimliq va razālatda kamāl andin, ādamijlīq-u insānijatqa zavāl andin, ot-i:-dur nāmus ijin küjdürgüči, jel-i:-dur izzāt-hurmatin savurūči va vīqār šam'in učurūči* (МК 75). 'Довольствоваться малым приносит много наслаждений, а жадность бедствия и унижения, жадное естество бывает у подлых людей, им присущи низость и нищенство. Действие жадного приносит ему унижения, дела его приносят ему неуважение. Когда в природе человека видна алчность, он не нравится другим людям. Это восход подлости и мерзости, закат гуманности и человечности. Алчность – это пожар, сжигающий дом совести, буря, раскидывающая по ветру гумно чести, тушащая светоч мудрости'. В этом предложении по отношению к сочетанию *razālat va nākkāl* 'подлость и низость' слова на «*ëй-э ишорат*» *dost-i:-dur* 'такой друг', *ot-i:-dur* 'такое пламя', *jel-i:-dur* 'такая буря' являются сказуемыми. Конструкция, поясняющая сказуемое *dost-i:-dur* заслуживает особого внимания. К такому сказуемому контактно примыкают инверсионные обособленные определения *laimvaš, gādāševālik* 'нищий, скупой'. Конструкция *razālat anij tavrīya xuš, muvāfaqatīya asarxārlīy, munāsabatīya bahra sabukbārlīy* 'в природе человека видна алчность, он не нравится другим людям. Это восход подлости и мерзости, закат гуманности и человечности' также относятся к обособленному пояснению сказуемого *dost-i:-dur*. По структуре этот пояснительный член составлен по типу словосочетания предикативной модели. Однако пояснение (инверсионное определение) сказуемого имеет и вставочную конструкцию: *har tab'dakim ul mavžud boldi, ul kiši ulus tab'īya mardud boldi* 'Действия жадного приносят ему унижение, дела его приносят ему неуважение'. Данная конструкция построена по типу условного придаточного предложения (но только в семантико-логическом плане, а не формально) и напоминает бессоюзное сложное предложение.

Приведенные выше примеры показывают, что в структурах предложений староузбекского языка обособленные (постпозитивные) пояснительные конструкции выполняют особую роль. С одной стороны, это свидетельствует о сильном влиянии персидско-таджикского языка на староузбекский язык, в частности, на язык А. Навои, а с другой стороны, не могло здесь обойтись, по-видимому, и без влияния разговорного языка Средневековья.

Выше отмечалось, что сказуемое на «*ëй-э ишорат*» в предложении может употребляться как одиночно, так и с однородными членами. Например, *Qanāat žavhar-i:-durkim, elni mundaq ikki balādīn⁴ qutqarur va mundaq ikki ibtidādīn qutqarur* (МК 75). 'Довольство малым – это такая драгоценность, которая спасает

⁴ *Ikki balā* – это «один подл, другой мерзок, оба они по существу низкие» (примечание А. Рустамова).

людей от этих двух бедствий и избавляет от их последствий'. *Har mašaqqatkim, sendā joqtur, seniñdektā bār, saña ne'mät-i:-dur, šükür ajturğa sazāvar* (МҚ 170). 'Трудность, которой у тебя нет, но у других имеется, для тебя милость, за это ты должен считать себя благодарным'. В приведенных примерах *žavhar-i:-dur* 'такая драгоценность' и *ne'mät-i:-dur* 'такая милость' являются сказуемыми и употребляются *по одному разу*. Однако в произведении «Махбубул-кулуб» подобные сказуемые в составе предложения употребляются *два (и более) раза*: *Teñri dostlariniñ hikājatı va alar axlāqiniñ rivājatı āfsāna-i:-durkim, ujıyan köñülni ujatur va tarāna-i:-durkim, xijraliqtin qatqan közni jıylatur* (МҚ 117). 'Рассказы друзей бога и их мораль – такая легенда, что она смягчает человеческие души и такая мелодия, что она возбуждает угаснувшие глаза. – А.С.' Напомним, что в этих примерах сказуемыми являются словоформы *āfsāna-i:-dur* и *tarāna-i:-dur*.

В предложении, которое мы приводим ниже, сказуемое представлено шестью словоформами на «*ëй-э ишорат*»): *Vafā šam'-i:-durkim, dahr tijrā hākdānin jarıtmajdur va zaman bevafāları köñli bilā ulfat tutmajdur va nārgis-i:-durkim, davran čamanıya köz salmajdur va köñülları yunčāsida hiqd-u hasaddin özga qalmajdur, mahbub-i:-dur pāk xilqat, žuz pāk köñülgä uns va ulfatı joq, matlub-i:-dur pākizä tijnat, žuz pākizä fitratqa majl va raybatı joq, durr-i:-dur samin, insānijat tažıya zevār va ālamda insānijat nābud va žavhar-i:-dur atašin, ādāmijlik bašıya āfsar va ālam ahlida ādāmijlik nāmavžud* (МҚ 114). 'Верность – это светильник, но не освещает вес темный мир и не дружит с неверными душами времени, это нарцисс, но не обращает внимание на луг, покрытый цветками и в почке цвета ничего не оставляет кроме ненависти и злобы, это такая сотворенная возлюбленная, что она не дружит с другими, это такая истинная желаемая, что с другим истинными натурами не имеет общего, это блестящая жемчужная красота для человечества, это пламенный драгоценный камень, корона для головы человечности и из-за этого среди них нет человечности'. В данном предложении в функции сказуемых выступают словоформы: *šam'-i:-dur* 'такой светильник', *nārgis-i:-dur* 'такой нарцисс', *mahbub-i:-dur* 'такая возлюбленная', *matlub-i:-dur* 'истинная желаемая', *durr-i:-dur* 'блестящая жемчужная', *žavhar-i:-dur* 'драгоценный камень'.

Встречаются и такие типы предложений, в которых сказуемые на «*ëй-э ишорат*» вступают в однородность со сказуемыми, выраженными именем прилагательным или атрибутивным словосочетанием, причем эти сказуемые тоже сопровождаются обособленными конструкциями: *Muğannijı vafāsiz küñür hajāsiz, äğär jıllar riājat qilibsen va hamxānadur, bir qatlaki nimä bermädiñ, begānadur, er suratıda šāhid-i:-dur tannāz va mulājim, kisvatida mufsid-i:-dur xānabārandāz, xāsqa dilfirib-i:-dur savt va naym bilā, avāmtıya rāhzan-i:-dur, tabl va ālām bilā* (МҚ 37). 'Неверный певец – это бесстыжий подлец. Хотя ты годами ухаживал за ним и воспитывал его у себя, если хоть раз откажешь ему в его просьбе, он станет чужим для тебя. Это не мужчина – по действиям он блудница, он распутник в благородной одежде. Он обвораживает зная пением и игрой, с помощью крика и барабана грабит народ простой'. Подлежащим здесь является изафетное словосочетание *muğannijı vafāsiz* 'неверный певец', а его однородными сказуемыми являются *küñür hajāsiz* 'бесстыжий подлец', *šāhid-i:-dur* 'такой красивый', *mufsid-i:-dur* 'такой распутник', *dilfirib-i:-dur* 'такой обманщик', *rāhzan-i:-dur* 'такой разбойник', т. е. в нем в качестве сказуемого, выраженного атрибутивным слово-

сочетанием участвует *künjür hajäsiz* ‘бесстыжий подлец’, и с этим сказуемым вступают в однородность (однородную связь) другие сказуемые в форме «*ëй-э иишорат*».

Структура приведенного выше предложения отличается от других примеров. В нем именное сказуемое, выраженное атрибутивным словосочетанием, включает такую вставочную конструкцию, которая напоминает нам тип условного придаточного сложноподчиненного предложения (*ägär jillar riājat qilibsen va hamxānadur, bir qatlaki nimä bermädiñ, begānadur* ‘хотя ты годами ухаживал за ним и воспитывал его у себя, если хоть раз откажешь ему в его просьбе, он станет чужим для тебя’).

Следует отметить, что сказуемое на «*ëй-э иишорат*» может выступать в составе предложения как контактно (пример см. выше), так и дистантно: с обособленным определением или обособленной пояснительной конструкцией. Например, контактно: *šāhid-i:-dur tannāz, mufsid-i:-dur xānabārandāz, dilfirib-i:-dur savt va naym bilä, rāhzan-i:-dur, tabl va älām bilä* ‘это не мужчина – по действиям он блудница, он распутник в благородной одежде. Он обвораживает знать пением и игрой, с помощью крика и барабана грабит народ простой’; дистантно: *mahbub-i:-dur pāk xilqat, žuz pāk köñülgä uns va ulfatı joq* ‘такая сотворенная возлюбленная, что она не дружит с другими’. Однако в этом предложении *žuz pāk köñülgä uns va ulfatı joq* служит примером на контактное употребление. Кроме того, оно может управлять словами и словосочетаниями, оформленными в местном и на правительном падежах: *er suratıda šāhid-i:-dur, va mulājim kisvatıda mufsid-i:-dur, xāsqā dilfirib-i:-dur, avāmğa rāhzan-i:-dur*.

В предложениях, где присутствуют однородные сказуемые, оформленные «*ëй-э иишорат*», и подлежащие, и сказуемые могут сопровождаться обособленными конструкциями: *Maās üji, gārçi bolur tar, ammā har nečä mubālaya qilsañ, jeri bar, hisār-i:-durkim, anda kirsāñ, nafs šarr’idīn qutulursen va köhsār-i:-durkim, anda čiqsañ, duşman va dosttīn mustayniñ bolursen, āftādalıy-i:-dur, nätižsi sarafrāzlıy va niğzmandlıy-i:-dur, fājdasi beniyāzlıydur, tuxm-i:-dur, barı yinā va šažar-i:-dur, samari İstiyñā, maj-i:-dur ačıy va naş’asi tarabāngiz, jol-i:-dur qatıy, ammā mänzili faraxāmiz* (МК 75). ‘Хотя его дом жизненных средств и будет тесным, он имеет много преимуществ. Довольство малым – то крепость, в которой ты будешь спасен от злодеяния страстей, это горная вершина, на которой ты не будешь зависеть от врагов и друзей; это скромность, результатом которой является гордость, это нужда, которая приводит к свободе от нужды, это семена, урожаем которых является имущество, это дерево, плодом которого является могущество, это горькое вино, которое приносит веселье, это трудная дорога, приводящая к радости’. Здесь словосочетание *maās üji* ‘дом жизненных средств’ – подлежащее, а в позиции сказуемого выступают *hisār-i:-dur* ‘такая крепость’, *köhsār-i:-dur* ‘такая вершина’, *āftādalıy-i:-dur* ‘такая скромность’, *niğzmandlıy-i:-dur* ‘такая нужда’, *tuxm-i:-dur* ‘такие семена’, *šažar-i:-dur* ‘такое дерево’, *maj-i:-dur* ‘такое вино’ и *jol-i:-dur* ‘такая дорога’. Пояснительная (вставочная) конструкция подлежащего *gārçi bolur tar, ammā har nečä mubālaya qilsañ, jeri bar* составляет конструкцию типа осложненного сложного предложения с уступительными и условными придаточными. Кроме этого, каждое сказуемое в форме на «*ëй-э иишорат*» также сопровождается обособленными конструкциями.

Морфологический показатель «*ёй-э ишорат*», в основном, аффигуруется к словам персидско-таджикского и арабского происхождения. Однако не исключена возможность его присоединения и к исконно тюркским словам. Примерами могут служить слова *jel-i:-dur* ‘такой ветер’, *taγ-i:-dur* ‘такая гора’, *jol-i:-dur* ‘такая дорога’. Надо отметить, что фиксированное употребление показателя, присущего персидско-таджикскому языку, в тюркских словах не является закономерным, и поэтому оно в исконно тюркских словах употребляется спорадически. Но независимо от происхождения слова наличие атрибута предикативности *-dur* обязательно.

В прозе Алишера Навои встречаются предложения со сказуемым на «*ёй-э ишорат*» в калькированной форме, однако это нами было зафиксировано не в простых предложениях, а в сложных: *Dārd ahliniγ nafasi bir otturkim, qatiγ kōñūlni jumšatur va quruγ kōzni jīylatur va sōz ahliniγ dāmi bir jeldurki, anāñijat xāšākin savurur va γazabijāt tufrayīn sūpūrūr* (МК 118). ‘Дыхание влюбленного – такое пламя, которое смягчает твердые души и наполняет слезами сухие глаза, дыхание словесников – такой ветер, который унесет щепки высокомерия и убирает от пыли ненависти’. В нем сказуемое выражено сочетанием *bir ottur* ‘такое пламя’, *bir jeldur* ‘такой ветер’ и каждое из них сопровождается обособленной конструкцией, которая группируется вокруг соответствующего сказуемого, т. е. сочетание *qatiγ kōñūlni jumšatur va quruγ kōzni jīylatur* ‘смягчает твердые души и наполняет слезами сухие глаза’ относится к сказуемому *bir ottur*, а сочетание *anāñijat xāšākin savurur va γazabijāt tufrayīn sūpūrūr* ‘унесет щепки высокомерия и убирает от пыли ненависти’ относится к сказуемому *bir jeldur*.

Следует отметить, что подавляющее большинство предложений, где отмечалось сказуемое с «*ёй-э ишорат*», взято нами из произведения «Махбубул-кулуб» («Возлюбленный сердце»). Хотя оно и прозаическое, в нем довольно часто отмечается рифмованная проза (сажъ), а в отдельных местах встречаются слова, вторяющиеся за рифмой (радиф, тж. редиф).

3. Особенности употребления сказуемого с «*ёй-э ишорат*» в рифмованной прозе

В рифмованной прозе предложениям со сказуемым, имеющим в своем составе «*ёй-э ишорат*», присущ ряд особенностей:

3.1. Сказуемое на «*ёй-э ишорат*» повторяется несколько раз, и при помощи аффикса сказуемости *-dur* образуется дистантная рифмовка: *žādā-i:-dur* ‘такая дорога’, *sirāt-i:-dur* ‘такой мост’, *čāšmā-i:-dur* ‘такой родник’, *maxzan-i:-dur* ‘такая сокровищница’.

3.2. При употреблении более трех однородных сказуемых на «*ёй-э ишорат*» образуются отдельные пары, а входящие в их состав обособленные определительные конструкции (хотя они и относятся к разным сказуемым) также между собой рифмуются. Такая рифмовка напоминает стихотворную форму с парной рифмовкой (*маснавий*). Подробнее остановимся на особенностях строения:

– простые инверсионные определения рифмуются друг с другом: *axtar-i:-dur duraxšanda* ‘сияющее светило’ – *gühār-i:-dur raxšanda* ‘блестящий жемчуг’; *mehr-i:-dur tāli* ‘восходящее солнце’ – *bādr-i:-dur lāmi* ‘светящаяся луна’; *šu’la-i:-dur sozanda* ‘жгучее пламя’ – *barq-i:-dur furuzanda* ‘сверкающая молния’.

– рифмуются инверсионные определения, состоящие из словосочетаний: ... *ot-i:-dur nāmus ūjin kūjdürgüči* ‘такой пожар, сжигающий дом совести’ – *jel-i:-dur izzāt-hurmatin savurγučī va vīqār šam'in uçurγučī* ‘такая буря, раскидывающая по ветру гумно чести, тушащая светоч мудрости’. В этом примере относящееся к сказуемому *ot-i:-dur* ‘такой пожар’ словосочетание *nāmus ūjin kūjdürgüči* рифмуется с обособленным словосочетанием *izzāt-hurmatin savurγučī va vīqār šam'in uçurγučī*, которое относится к сказуемому, оформленному с «*ëй-э ишорат*», – *jel-i:-dur* ‘такая буря’.

– рифмуются обособленные конструкции в предикативной модели, которые относятся к разным сказуемым: ... *axtar-i:-dur... bašariāt közi nur-u zijāsī andin* ‘это сияющее светило, [от которого] исходит ясность и свет людских очей’; *va gühār-i:-dur ... insānijāt tažiniñ zeb-u bahāsī andin* ‘блестящий жемчуг, дарящий красоту и ценность венцам людей’.

3.3. Рифмуются обособленные конструкции, состоящие из словосочетаний в составе одного сказуемого, а также с теми обособленными конструкциями, которые относятся уже к другому сказуемому: ... *šam'-i-durkim, dahr tijrā hākdānin jaritmajdur va zaman bevařaları köñli bilā ulfat tutmajdur, nārgis-i:-durkim, davran çamanıya köz salmajdur va köñülläri yunçasıda hiqd-u hasaddin özga qalmajdur* ‘это светильник, но [он] не освещает весь темный мир и не дружит с неверными душами времени, это нарцисс, но не обращает внимание на луг, покрытый цветками и в почке цветка ничего не оставляет кроме ненависти и злобы’.

В данном примере относящееся к сказуемому *šam'-i-dur* сочетание *dahr tijrā hākdānin jaritmajdur* ‘но не освещает весь темный мир’ рифмуется со словосочетанием *zaman bevařaları köñli bilā ulfat tutmajdur* ‘не дружит с неверными душами времени’, относящимся к этому же сказуемому, а оно в свою очередь рифмуется с теми словосочетаниями, которые относятся к сказуемому *nārgis-i:-dur*.

4. Семантические отношения рифмующихся членов и конструкций

4.1. Инверсионное определение первого сказуемого на «*ëй-э ишорат*» составляет синонимию с определением следующего сказуемого: *duraxšanda – raxšanda* ‘блестящий’, *sozanda – furuzanda* ‘жгучий’, *tāli – lāmi* ‘светящийся’, и при помощи этих лексических средств семантика последующих фраз проясняется и усиливается. Иногда такая синонимия может быть ситуационной (с точки зрения усиления значения): *qahhār – xunxār* ‘гневный – кровожадный’ (т. е. дракон пьет кровь людей и убивает, то таким же образом люди погибают из-за гнева царя). В данном случае семантическая близость слов *qahhār* и *xunxār* очевидна.

4.2. Семантика обособленной пояснительной конструкции предыдущего сказуемого находит свое продолжение в конструкции последующего сказуемого, т. е. в данном случае можно говорить об их семантической целостности: ... *sāiqa-i:-dur aql-u dīn xirmanin kūjdürgüči va sarsar-i:-dur alarnin külin kökka savurγučī* ‘это удар молнии, сжигающий гумно разума и веры, эта буря, разносящаяся по миру его пепел’ (МК 90). Подчеркнутая нами первая конструкция, хотя и относится к сказуемому *sāiqa-i:-dur*, свое смысловое продолжение получает в конструкции, относящейся к сказуемому *sarsar-i:-dur*. Та же картина наблюдается и в следующем примере: ... *šu'la-i:-dur sozanda, xāšāki küb žān-u köñül bolıan va*

barq-i:-dur furuzanda, küb žān-u köñül äši'äsi kül qilyan 'это удар молнии, сжигающий гумно разума и веры, эта буря, разносящаяся по миру его пепел'.

5. Способы связи сказуемого на «ёй-э ишорат» в составе предложения

Следует также остановиться и на синтаксических отношениях сказуемого на «ёй-э ишорат» с инверсионным определением и обособленной пояснительной конструкцией, т. е. на способах их связи в составе предложения.

При контактном употреблении инверсионного определения со сказуемым они отделяются интонацией от основного тона предложения, т. е. происходит незначительное понижение тона обособленного члена, но это не означает нарушение семантических отношений между ними: ... *lavand-i:-dur bādāvāz* ... 'нерадив, с голосом скверным'; *sirāt-i:-dur bayājat mustaqīm* 'мост чрезвычайно крепкий'; *bādr-i:-dur lāmi* 'луна светящая' и т. п.

Контактное инверсионное определение, выраженное словосочетанием, отличается от основной интонации предложения более заметно: ... *mahbub-i:-dur pāk xilqat...*, *matlub-i-dur pākizā tijnat* 'возлюбленная сотворная..., 'желаемая истинная'.

В большинстве случаев для усиления интонационного выделения обособленной конструкции употребляется служебное слово *-kim*: ... *šam'-i-durkim, dahr tijrā hākdānīn jarītmajdur* ... 'это светильник, но не освещает весь темный мир', *nārgis-i:-durkim, davran čamanīya köz salmajdur* 'это нарцисс, но не обращает внимание на луг'.

Обособленные члены по типу предикативной модели, независимо от наличия или отсутствия служебного слова *-kim*, резко отличаются от основной интонации предложения: ... *mehr-i:-dur toli*', *mahzun xātīrlar xāristanī andīn gülšān, bādr-i:-dur lāmi*', *tijrā köñüllār shabīstanī andīn rāvšān* 'восходящее солнце, которое сердце, заросшее колючим кустарником печали в цветник обращает, светящаяся луна, которая темную опочивальню души освещает'.

Две и более обособленные конструкции, относящиеся к одному сказуемому, связываются между собой или уравниваются интонацией при помощи сочинительного союза *va*: ... *durr-i:-dur samīn, insānijat tažīya zevār va ālamda insānijat nābud* 'пламенный драгоценный камень, корона для головы человечности и из-за этого среди них нет человечности'. Слово *samīn* 'драгоценный' является контактно употребленным инверсионным определением, относящимся к сказуемому *durr-i:-dur* 'такой камень' и, в свою очередь, посредством интонации увязывается с обособленным пояснительным *insānijat tažīya zevār* 'корона для головы человечности', а оно, в свою очередь, с обособленным пояснительным *ālamda insānijat nābud* 'из-за этого среди них нет человечности' через союз *va*.

Теперь нам остается уяснить один важный момент, связанный с формой на «ёй-э ишорат». Он заключается в том, какое влияние может оказывать грамматическая форма с использованием «ёй-э ишорат» на синтаксическую семантику предложения. Хотя «ёй-э ишорат» в оппозиции к «ёй-э вахдат» или «ёй-э накаре» означает определенность, однако, как и любая грамматическая форма, она тоже является абстрактной [Хакимова 2019: 48], и потому эта форма нуждается в большей конкретизации. Для конкретизации значения словоформ на «ёй-э ишорат» и употреблены постпозиционные (инверсионные) определения, пояснительные обособленные и вставочные конструкции.

В заключении надо отметить, что именные сказуемые на «*ёй-э ишорат*», столь характерные для синтаксических конструкций прозы Алишера Навои, хотя и усложняют структуру предложения, но, с другой стороны, способствуют демонстрации художественного мастерства автора в прозе.

Литература

- Абдуллаев, Юсупов 1984 – *Абдуллаев Ф., Юсупов М.* Эски ўзбек тилида форс-тожик ва арабча изофалар // Ўзбек тили ва адабиёти. – Тошкент, 1984. – № 1. – С. 20–23. {*F. Abdullayev, M. Yusupov.* Perso-Tajik and Arab *izafets* in Old Uzbek // The Uzbek language and literature. – Tashkent, 1984. – No. 1. – PP. 20–23. (In Uzbek.)}
- Абдурахманов 1971 – *Абдурахманов Г.А.* Синтаксис осложненного предложения // Структура и история тюркских языков. – М., 1971. – С. 138–147. {*G.A. Abdurakhmanov.* Syntax of the Complicated Sentence // Structure and history of the Turkic languages. – Moscow, 1971. – PP. 138–147.}
- Абдурахмонов, Рустамов 1984 – *Абдурахмонов Ф., Рустамов А.* Навоий тилининг грамматик хусусиятлари. – Тошкент: Фан, 1984. – 160 с. {*Gh. Abdurahmonov, A. Rustamov.* Grammar Peculiarities of Nava'i's Language. – Tashkent: Fan, 1984. – 160 p. (In Uzbek.)}
- Абдусаматов 1971 – *Абдусаматов М.* Форс тили. – Тошкент: Ўқитувчи, 1971. – 423 с. {*M. Abdusamatov.* The Persian Language. – Tashkent: O'qituvchi, 1971. – 423 p.}
- Алишер Навои 1970 – *Алишер Навои.* Возлюбленный сердец. – Ташкент: Фан, 1970. – 104 с. {*Ali-Shir Nava'i.* Beloved of the Hearts. – Tashkent: Fan, 1970. – 104 p.}
- Аширбаев 1990 – *Аширбаев С.* Структурно-семантические особенности простого предложения в прозаических произведениях Алишера Навои: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – Ташкент, 1990. – 33 с. {*S. Ashirbayev.* Structural and Semantic Peculiarities of Ali-Shir Nava'i's Prosaic Works: Ph.D. diss. abstract. – Tashkent, 1990. – 33 p.}
- Боровков 1946 – *Боровков А.К.* Алишер Навои как основоположник узбекского литературного языка // Алишер Навои. – М.–Л., 1946. – С. 92–120. {*A.K. Borovkov.* Ali-Shir Nava'i as Founder of Uzbek Literary Language // Ali-Shir Nava'i. – Moscow–Leningrad, 1946. – PP. 92–120.}
- Виноградов 1975 – *Виноградов В.В.* Исследование по русской грамматике. – М.: Наука, 1975. – 560 с. {*V.V. Vinogradov.* A Research on the Russian Grammar. – Moscow: Nauka, 1975. – 560 p.}
- Мадаминов 1982 – *Мадаминов А.* Сложные словосочетания предикативной модели в современном узбекском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ташкент, 1983. – 24 с. {*A. Madaminov.* The Complex Collocations of Predicative Model in Modern Uzbek Language: Ph.D. diss. abstract. – Tashkent, 1983. – 24 p.}
- Насилов 1981 – *Насилов Д.М.* Лингвистические взгляды Алишера Навои // История лингвистических учений. Средневековый Восток. – Л.: Наука, 1981. – С. 143–154. {*D.M. Nasilov.* Ali-Shir Nava'i's Views on Linguistics // History of the linguistic doctrines. The Medieval East. – Leningrad: Nauka, 1981. – PP. 143–154.}
- Нигматов, Абдуллаев, Банару, Махмудов, Мухамедова 1984 – *Нигматов Х.Г., Абдуллаев К.М., Банару В.И., Махмудов Н.М., Мухамедова Д.А.* Структура предложения и актуальные вопросы синтаксиса тюркских языков // Советская тюркология. – Баку, 1984. – № 5. – С. 3–9. {*Kh.G. Nigmatov, K.M. Abdullayev, V.I. Banru, N.M. Makhmudov, D.A. Mukhamedova.* Sentence Structure and Current Issues of the Syntax of the Turkic Languages // Soviet Turcology. – Baku, 1984. – No. 5. – PP. 3–9.}
- Расторгужева 1953 – *Расторгужева В.С.* Краткий очерк грамматики персидского языка // Персидско-русский словарь. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1953. – С. 613–668. {*V.S. Rastorguyeva.* A Brief Summary of Grammar of the Persian Language // The Persian-Russian Dictionary. – Moscow: The State Publishing House of Foreign and National Dictionaries, 1953. – PP. 613–668.}
- Расулов 1983 – *Расулов И.* Мурақаб синтактик бутунлик // Ўзбек тили ва адабиёти. – Тошкент, 1983. – № 1. – Б. 22–25. {*I. Rasulov.* The Complicated Syntactic Unit // The Uzbek language and literature. – Tashkent, 1983. – No. 1. – PP. 22–23. (In Uzbek.)}
- Рустамов 1962 – *Рустамов А.* Алишер Навоийнинг «Махбубул кулуб» асаридagi баъзи морфологик элементлар // Ученые записки ТГПИИЯЛ. – Тошкент, 1962. – С. 222–226. {*A. Rustamov.* On

- Some Morphological Elements of Ali-Shir Nava'i's Work «Mahbūb-ul-qulūb» // Scientific notes of the Tashkent State Pedagogical Institute of Foreign Languages and Literature. – Tashkent, 1962. – PP. 222–226. (In Uzbek.)}
- Хакимова 2019 – *Хакимова М.К.* Ўзбек тилида абстракт номлар семантикаси: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – Тошкент, 2019. – 70 с. {*М.К. Hakimova.* The Semantics of Abstract Names in the Uzbek Language: Ph.D. diss. abstract. – Tashkent, 2019. – 70 p.}
- Щербак 1962 – *Щербак А.М.* Грамматика староузбекского языка. – М.– Л., 1962. – 274 с. {*A.M. Shcherbak.* Grammar of the Old Uzbek Language. – Moscow–Leningrad, 1962. – 274 p.}

Источники

- МҚ – *Алишер Навоий.* Маҳбул қулуб / Сводный текст подготовил А.Н. Кононов. (На арабской графике.) – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1948. {*Ali-Shir Nava'i.* Mahbūbul qulūb / Consolidated text by A.N. Kononov. (In Arabic script.) – Moscow–Leningrad: The Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1948.}
- МЛ – *Алишер Навоий.* Муҳокаматул лугатайн / Издание Э.М. Катрмер'а. (На арабской графике.) – Париж, 1941. {*Ali-Shir Nava'i.* Muḥākamatul lugatayn / Ed. by Étienne Marc Quatremère. (In Arabic script.) – Paris, 1941.}
- ТМА – *Алишер Навоий.* Тарихи мулуки Ажам / Научно-критический текст подготовил Л. Халилов. (Рукопись на арабской графике.) – Ташкент, 1975. {*Ali-Shir Nava'i.* Tarīḫi mulūki 'aḡam / Scientific-critical text prepared by L. Khalilov. (Manuscript in Arabic script.) – Tashkent, 1975.}

To the syntactic analysis of a simple sentence with a nominal predicate in a certain form of a noun in «yoy-e ishorat/yā-i iṣārat» in the prose of Ali Shir Nava'i

S. Ashirbayev

Tashkent (Uzbekistan)

Summary: The syntax of proses of Ali Shir Nava'i is rarely studied. There are several reasons for this. On the one hand, the works of Ali Shir Nava'i reflect the folk language of Uzbek people, and on the other hand, written in a magnificent style according to the tradition of his era. This technique opened the way to integrate Arabic and Persian elements into his language. In turn, such elements influenced the syntax of the works of the writer. An example of such intersection and complexity can be phrases containing so-called «yoy-e ishorat». «Yoy-e ishorat» is a specific peculiarity of the Persian language, which expresses the *concept of accuracy*, and is opposed to «yoy-e nakare/yā-i nakara» (abstract), which expresses the *abstract meaning* as a grammatical form. The nominal predicate used in this form constantly dictates the combined use of attribute phrases, which have either inversion (postposition) descriptive or explanatory content. Obviously, the nominal predicate in such a form comes together with inverted (separated) attributes and other syntactic groups and in each nominal predicate postposition. As a result, the structure of the sentence complicates. This phenomenon noted both in simple sentences and in compound sentences. This paper analyses the nominal predicate sentences with «yoy-e ishorat» in a simple sentence. It is important to note that when such a complex simple sentence translated into Russian or other languages, it is possible to express ideas in a compound sentence or in a several sentences rather than in a simple form.

Key words: Ali-Shir Nava'i, rhythmized prose, poetry, literature, subject, nouns, nominal predicate, inversion attributes, interpretation phrases inclusion constructions, definite form, syntactic group, complex simple sentence, compound sentence.

Samikhon Ashirbayev – Ph.D. in philology, professor of Ali Shir Nava'i Tashkent State University of Uzbek Language and Literature, e-mail: samixon.ashirboyev@mail.ru.